

Как просто не любить — только не разреши себе

Коммерсант-дэйли, 1997. — 20 нояб. — с. 13

«Любью» Юрия Малецкого претендует на русскую Букеровскую премию

Труднодоступный, в меру ретроградный, зато почти не радикальный журнал «Континент» после ухода бессменного редактора Владимира Максимова практически целиком перебазировался на московскую почву: бразды правления взял в свои руки уважаемый экс-новомировец Игорь Виноградов — и подарил итоговому шестерному списку русского «Букера» роман 46-летнего Юрия Малецкого «Любью», надрывную, изощренную вещь. Книгу о провинциале, который назойливо и героически пытается вписаться в столичную элитарную субкультуру.

Длина абзацев, обилие иноязычных слов, пространных рассуждений о христианстве и евразийстве и мало кому известных (в основном итальянских) фамилий заставили многих религиозно ориентированных критиков объявить «Любью» не повестью и не романом, но историософской публицистической брошюрой, замаскированной под повесть или роман.

Наивные. Персонаж-повествователь и не может не ссылаться в самых кухонных обстоятельствах на Фичино и Джимми Хендрикса, не может не комментировать про себя укор больной жены «Ты прошел сквозь 26 капельниц?» мерзко-юмористическим «Двадцать шесть их было, двадцать шесть», не умеет при случае не ссылаться на Кришнамурти, ибо только из

Фрагмент романа Юрия Малецкого «Любью»

Нет, не она. Это Та была — кошка! И вечно держала кота-другого в своем тыковкином домике, где можно было ходить лишь пригнувшись (как она тогда выхватила хрустевшего голубя прямо из кошачьей пасти и хрясь по морде своему воспитаннику! свирепо. Изрядно), и глаза ее карие с кошачьей прижельтю, и взгляд пристальный с тревожащим прищуром, и тихая полуулыбка-с-тайной (тайна как раз и достигалась неполнотой, невыявленностью смысла улыбки: что в ней — робость, девственная застенчивость или искус, соблазн? как у кота — пугается или пугает?), и говорила мало, из тишины, как мяукала, глуховато-осторожно, и любила одиночество, и была равнодушна к комфорту, нужно было только тепло, и есть любила всякую полупомоечную дешевку, кильку, желтые подванивающие соленые огурцы из овощного магазина, а по-кошачьи умела бродить сама по себе, умело скрывая, как стало известно задним числом... интересно, что она не любила фотографироваться на документы типа паспорта, как преступник, как увливающий в темноту кот...

этих зыбких материй он, не так давно приехавший в Москву из Самары, и состоит. На всякий серьезный разговор — два десятка умных имен. Не лыком шиты. «Минута невыносима, как проза Варлама Шаламова» — именно эта стилистика наотмашь выявляет безнадежный трагикомизм героя.

Однако герой «Любью» отягощен и иными виной и бедой. Первая называется — Та. Вторая — Эта. Та была чарующе неправильно сложена, ассоциировалась с моделями Ботичелли и изменяла тому, кто в повести зовет себя «я», направо и налево. Ангелическая та-

кая получалась девушка, чувства к которой невыразимы без нарушения русской грамматики: «Таккая болль». В результате Та, конечно, ушла, и появилась Эта — идеально физически слепленная циклоидная шизофреничка, вторая жена, с коей и говорить-то ни о чем невозможно, кроме таблеток, стационаров и врачей (притушим иронию, дело чудовищное), зато можно развертывать монологи о собственной несчастной планиде, христианстве и недостаточном понимании всемирной культуры от античных мистерий до хеппининга.

Все филиппики героя насчет раздробленного состояния нынешней церкви, в какие храмы ходить, в какие нет («тоска по молчанию, тишине, этому белому звуку», читай — неприятельному, антипижонскому слову), с которыми батюшками знаться, а с какими — никогда, сводятся к единственному воплю: «Отказываться от всей мировой культуры — верное дело? Только так и угодно Богу? А?» Выходит, только так и угодно. Не по Сеньке шапка.

По крайней мере, герой «Любью», что бы ни утверждал на словах, отказался от Той и пошло, бытово, грязно присматривает за Этой. С ней хоть поговорить получается, чтоб тебя поняли. Даже если разговор — грязная склока, а все тяжело читаемые экскурсы в историю русской религии, всемирной культуры, заштатного менталитета — детская попытка полюбить, отказать, понять, что ориентировался не на то и жил не так, и начать заново. Не нужно тебе на данном этапе Ботичелли и Флоренций. Они только разъедают тебя изнутри.

Та — никогда не вернется. Эта — здесь и любит тебя. Пока не умрет. Лучше разбираться с капельницами и кастрюлями, чем с Джакометти и Бартом. Полезней для здоровья — и духовного, и, как в конце романа выясняется, физического. Рановато нам. Рановато.

БОРИС КУЗЬМИНСКИЙ

Юрий Малецкий. Любью // Континент. № 88.

Малецкий Юрий?

20.11.1997